

(1)Станция находилась в двух верстах от усадьбы, там, где дорога, гулко и гладко пройдя сквозь еловый бор, пересекала петербургское шоссе и текла дальше, через рельсы, под шлагбаум, в неизвестность. (2)«Если хочешь, пусти марионеток», – лстыиво сказал Лужин-старший, когда сын выпрыгнул из коляски и устоялся в землю, поводя шеей, которую щипала шерсть лодена.

(3)Сын молча взял протянутый гривенник. (4)Из второй коляски грузно выползали французенка и экономка, одна вправо, другая влево.

(5)Отец снимал перчатки. (6)Мать, оттягивая вуаль, следила за грудастым носильщиком, забиравшим пледы. (7)Прошёл ветер, поднял гривы лошадей, надул малиновые рукава кучера.

(8)Оказавшись один на платформе, Лужин пошёл к стеклянному ящику, где пять куколок с голыми висячими ножками ждали, чтобы ожить и завертеться, толчка монеты. (9)Но это ожидание было сегодня напрасно, так как автомат оказался испорченным, и гривенник пропал даром. (10)Лужин подождал, потом отвернулся и подошел к краю платформы. (11)Справа, на огромном тюке, сидела девочка и, подперев ладонью локоть, ела зелёное яблоко. (12)Слева стоял человек в крагах, со стеклом в руках, и глядел вдаль, на опушку леса, из-за которого через несколько минут появится предвестник поезда – белый дымок. (13)Спереди, по ту сторону рельс, около бесколёсного жёлтого вагона второго класса, вросшего в землю и превращённого в постоянное человеческое жильё, мужик колот дрова. (14)Вдруг туман слёз скрыл всё это, обожгло ресницы, невозможно перенести то, что сейчас будет: отец с веером билетов в руке, мать, считающая глазами чемоданы, влетающий поезд, носильщик, приставляющий лесенку к площадке вагона, чтобы удобнее было подняться. (15)Он оглянулся. (16)Девочка ела яблоко; человек в крагах смотрел вдаль; всё было спокойно. (17)Он дошёл, словно гуляя, до конца платформы и вдруг задвигался очень быстро, сбежал по ступеням, – битая тропинка, садик начальника станции, забор, калитка, ёлки, – дальше овражек и сразу густой лес.

(18)Сначала он бежал прямо лесом, шурша в папоротнике, скользя на красноватых ландышевых листьях, и шапка висела сзади на шее, придержанная только резинкой. (19)Коленям в шерстяных, уже городских чулках было жарко. (20)Он плакал на бегу, по-детски картаво чертыхаясь, когда ветка хлестала по

лбу. (21)И наконец остановился, присел, запыхавшись, на корточки, так что лоден покрыл ему ноги.

(22)Только сегодня, в день переезда из деревни в город, в день, сам по себе не сладкий, когда дом полон сквозняков, и так завидуешь садовнику, который никуда не едет, только сегодня он понял весь ужас перемены, о которой ему говорил отец. (23)Прежние осенние возвращения в город показались счастьем. (24)Ежедневная утренняя прогулка с французенкой, – всегда по одним и тем же улицам, по Невскому и кругом, через Набережную, домой, – никогда не повторится. (25)Счастливая прогулка. (26)Иногда ему предлагали начать с Набережной, но он всегда отказывался. (27)Не столько потому, что с раннего детства любил привычку, сколько потому, что нестерпимо боялся петропавловской пушки, громового, тяжкого удара, от которого дрожали стёкла домов и могла лопнуть перепонка в ухе и всегда устраивался так (путем незаметных манёвров), чтобы в двенадцать часов быть на Невском, подальше от пушки, выстрел которой настиг бы его у самого дворца, если бы изменился порядок прогулки. (28)Кончено также приятное раздумье после завтрака, на диване, под тигровым одеялом, и ровно в два – молоко в серебряной чашке, придающей молоку такой драгоценный вкус, и ровно в три – катание в открытом ландо.

(29)Взамен всего этого было нечто, отвратительное своей новизной и неизвестностью, невозможный, неприемлемый мир, где будет пять уроков подряд и толпа мальчиков, ещё более страшных, чем те, которые недавно, в июльский день, на мосту, окружили его, навели жестяные пистолеты, пальнули в него палочками, с которых коварно были сдёрнуты резиновые наконечники.

В. Набоков. «Защита Лужина». 1929 г.

Из предложения 29 выпишите страдательное(-ые) причастие(-я) прошедшего времени.